

О. А. Бенедская¹**РАСШИРЕНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ПРАВОСУДИЯ:
НА ПУТИ К ПРЕОДОЛЕНИЮ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ**

Все более широко обсуждаемая в последнее время в социогуманитарных науках глобальная нестабильность характеризует ситуацию цивилизационной ловушки глобализации, когда с потребностями и тенденциями к более тесной экономической, социальной, культурной, правовой и технологической интеграции соседствуют противоположные процессы и явления — отражающие фрагментацию, как бы расслаивание современного мира. Дисфункциональность, пробуксовка традиционных институтов международного права и сотрудничества, системные сбои в обеспечении финансовой и экологической устойчивости экономического развития, торговые и санкционные войны, усиливающееся социально-территориальное неравенство, провалы мультикультурализма, кризис социальной и индивидуальной идентичности — эти и другие серьезные проблемы являются приметами века. Века, в котором неизжитое ортодоксально-инерционное стремление к силе сталкивается с возрастающим резистентным запросом на справедливость.

Пожалуй, именно конфликт между идеями силы и справедливости является главным, центральным противоречием современности: он позволяет вскрыть суть глобальной нестабильности. С одной стороны, очевидно, что потесненная концепция так называемых отодвигаемых рубежей (падение одного провоцирует на взятие другого) привела к выраженным системным коллапсирующим эффектам, продемонстрировала уязвимость и порочность попыток обустройства цивилизации вне рамок институционального инклюзивного диалога. С другой — без новых отработанных механизмов, которые обеспечивали бы баланс транснациональных и государственных интересов, а также сдерживали бы глобальный произвол и беспрецедентные по масштабу акты спонтанной агрессии, появляются предпосылки к реновации авторитарной парадигмы. Симптоматично, что дефицит договороспособности в международных отношениях компенсируется усилением военно-политической риторики, явно не способствующей мирному урегулированию. Более принципиальным в концептуальном плане является стремление увязать саму идею новой стабильности с укреплением роли государства на международной арене и во внутренних делах, что, как ожидается, поможет поиску разумных компромиссов. Этот внешне привлекатель-

ный своей исторической преемственностью подход, спекулятивно-популистский в известном смысле, требует крайне осторожных и взвешенных оценок.

Само государство в современных условиях приобретает ценностное значение фактора укрепления международного правопорядка лишь в том аспекте, в каком оно способно институционализировать идею справедливости. Это предполагает, с одной стороны, последовательное увязывание самой идеи государственного суверенитета с гуманистическим измерением. Смысл государственного суверенитета — не формальная легитимация политической воли господствующей социальной силы, а ограждение свободы от произвола, защита слабого от сильного. С другой стороны, понимание государства как политико-юридической формы обеспечения справедливости предполагает недопустимость сведения его существа к моментам централизации, властвования, принуждения. Необходимо его осмысление с позиции инфраструктуры достижения гражданского согласия и мира. Отсюда — принципиальная ориентация на децентрализацию, субсидиарность, а также развитие инструментов активного вовлечения широкого круга социальных групп в формирование и реализацию целей устойчивого развития на локальном, общегосударственном и наднациональном уровнях.

Идея справедливости онтологически и функционально коррелирует с идеей правосудия, которое выступает процедурной формой и материализованным, объективированным итоговым выражением справедливости. Именно правосудие определяет границы властвующей силы — как политической, так и экономической по своему характеру. Оно призвано определять должную, то есть разумную и равную меру свободы против произвола, меру необходимости.

Парадокс современного мира — острый дефицит правосудия в эпоху судов. В самом деле, глобализация права и экономики привела к конвергенции правовых систем с ориентацией на восприятие «живого» права и открыла своего рода эпоху судов. Последние, в свою очередь, давно превзошли традиционные функции глашатаев законодателя и стали субъектами формирования правовой политики. При этом в условиях расширяющейся аномии и энтропийных процессов в правовых системах, а также столкновения формально-правовых и иных по типу средств нормативной регуляции реальным источником упорядочения общественных отношений оказалось (формируемое главным образом в юрисдикционных процедурах) судебное право в виде казуально-ситуационных, прецедентных норм. Вместе с тем налицо и острый дефицит как институционального, так и материально-реализационного правосудия, которое пока не получило глобальных (общепланетарных) форм. Правосудие сталкивается с политизирующими последствиями кризисов социокультурной детерминации и легитимации на региональном уровне, испытывает на себе деформирующее воздействие кон-

¹ Адвокат и советник коллегии адвокатов «Муранов, Черняков и партнеры» (Москва). Автор более 20 научных публикаций, в т. ч.: «Третейский суд как конституционная категория и ценность: к обоснованию доктрины», «Не меньше, чем суд: конституционная природа третейского разбирательства в российской правовой системе» (в соавт.), «Конституционная природа третейского суда: теоретико-правовой аспект», «Проблемы решения корпоративных споров: ориентация на третейский суд», «Чтобы атлант не расправил плечи: Конституционный Суд РФ и социальное бремя бизнеса», «Пределы выносности: социальное бремя бизнеса в контексте практики российского конституционного правосудия» и др. Сфера научных интересов: конституционная экономика, экономическое правосудие, корпоративное право.

курении наднационального и государственных право-порядков.

В образах квазиюрисдикционных структур в институциональной системе ООН (девять комитетов и один подкомитет, контролирующие выполнение соответствующих обязательств, вытекающих из договоров по правам человека) и наднациональных судов (Европейского суда справедливости, Европейского суда по правам человека, Суда Евразийского экономического союза и др.) правосудие формально возвысилось над властно-силовой составляющей государства, но пока не обрело отличной от него собственной прочной легитимности. Развитие институциональных форм правосудия внутри государственных систем также демонстрирует всю сложность, противоречивость утверждения юстиционного эквивалента справедливости — в его соотношении и различии с принудительно-властными обеспечительными моментами. Классический позитивизм рассматривает правосудие с сугубо государственно-властных позиций. Но государство не обладает монополией на справедливость, которая нуждается во все более профилированных и приближенных к самим субъектам гражданского общежития примиряющих юрисдикционных процедурах. Во многом именно с разрешением данных противоречий, отпочкованием правосудия от идеи властвующей силы связано в конечном итоге преодоление глобальной нестабильности. Необходимыми для этого условиями являются и рациональный авторитет суда, и казуальная гармонизация интересов, и мягкое социально-рефлекторное нормообразование.

Выражая решимость Объединенных Наций создавать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из международного права, Устав ООН оговаривает особую ценность применения для разрешения споров путем переговоров, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства или иными мирными средствами (преамбула, ст. 33 п. 1). Значение альтернативных юрисдикционных процедур для умиротворения спорящих сторон — как на международном, так и на внутригосударственном уровнях — признается во многих конституционных актах разных стран (Австрия, Германия, Ирландия, Италия, Индия, Киргизия, Малайзия, Пакистан и др.).

Расширение институционализации альтернативного правосудия — свидетельство того, что свойственный прежним историческим эпохам властечетрический подход смещается в сторону самоорганизации. Это соответствует возрастающей степени сложности и неустойчивости современной цивилизации, а также гуманистическому началу самих глобализационных процессов, ориентированных на универсализацию индивида, его интересов, потребностей, прежде всего социально-экономических, и его приматом перед государством. Новая стабильность иррелевантна централизации и предполагает широкое и непосредственное вовлечение гражданского общества в решение вопросов обеспечения социально-экономической устойчивости.

Современный европейский конституционализм отражает стремление к развитию пространства правосу-

дия на основе расширения его альтернативных форм. Укрепление альтернативно-судебных институтов рассматривается как фактор повышения доступности правосудия, ценность которого раскрывается в системном единстве с достижением целей по поддержке и развитию пространства свободы и безопасности. Так, еще в октябре 1999 года Европейский совет на встрече в Тампере призвал государства-члены создать альтернативные внесудебные процедуры. В мае 2000 года было принято заключение по альтернативным способам разрешения споров в гражданском и коммерческом праве, а также заявлено, что установление в этой сфере основных принципов — необходимый шаг на пути к развитию и нормальному функционированию внесудебных процедур урегулирования споров в указанных делах, упрощающих и улучшающих доступ к правосудию. В апреле 2002 года была выпущена Зеленая книга об альтернативных способах разрешения споров в гражданском и коммерческом праве. Она стала следствием сложившегося положения в отношении альтернативных способов решения споров в Европейском союзе. В 2008 и 2013 годах появились директивы Европейского парламента и Совета Европейского союза в отношении альтернативного разрешения споров.

Расширение институционального пространства правосудия за счет развития альтернативных способов — это важный фактор его юстицификации, повышения степени его легальной справедливости и демократической легитимности, выражение актуального цивилизационного запроса на справедливость. Важно понимать, что правосудие как динамическая форма справедливости призвано обеспечить рационализацию данной идеи, ее демистификацию. Запрос на справедливость во многом связан с социальной мифологией, парадоксальными исканиями, а неудачи в обретении социальных идеалов не обещают долгой прочности существу идей. Ценность правосудия не в том, что оно олицетворяет монополярную аристократическую силу над обществом, формирующую метафизическую истину, а в том, что оно являет собой процессуально-рационализированный инклюзивно-состязательный диалог в отношении социально значимых коллизий. Позволяя обществу спорить о праве и достигать в этом споре справедливости, правосудие позволяет обогатить, насытить саму идею справедливости конкретно-нормативным и регулятивно-прикладным содержанием, делает общество подлинным субъектом правовой рациональности — тем полнее, чем более широкое пространство форм реализации оно приобретает.

Расширение пространства правосудия должно рассматриваться в качестве стратегического приоритета развития современной цивилизации. Необходим глобальный диалог по вопросам правосудия и альтернативных форм его реализации в современных условиях, формирование минимальных стандартов, ориентированных на внедрение альтернативных юрисдикционных процедур, а также на приверженность верховенству права, которое должно в полной мере связывать частные формы правоприменения.

В условиях сложных геополитических и геэкономических противоречий современности участие

России в развитии альтернативных форм правосудия в целях институционализации идеи справедливости на международном уровне в качестве ключевого фактора преодоления глобальной нестабильности имеет важное утилитарно-экономическое (в плане расширения инвестиционной привлекательности, создания комфортного бизнес-климата) и мировоззренческое (связанное с легитимацией отстаиваемых Россией национальных интересов) значение. Меры, принимаемые Россией в этой сфере, демонстрируют признание высокой ценности альтернативных юрисдикций. Но нельзя

не видеть стремления государства занять патерналистскую и охранительную позицию. При этом централизация, бюрократизация, дискреционный административный контроль нивелируют альтернативные средства правосудия и выхолащивают его идею. Напротив, проектирование и отстаивание Россией на международной арене минимальных принципов альтернативного правосудия, последовательное внедрение широкой автономии юрисдикционных процедур в национальном правовом порядке позволит внести серьезный вклад в глобальный консенсус и национальное развитие.